

Оборонная промышленность и научно-техническая политика в странах постсоветского пространства: советское наследие и современные реалии

В.И. ЯКУНИН¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия)

Аннотация

Промышленный потенциал постсоветских государств, в которых еще продолжает существовать тяжелая индустрия, преимущественно развивается на базе тех мощностей, что было созданы в период до 1991 г. и во многом были ориентированы на поддержку советского оборонно-промышленного комплекса. В связи с этим возникает необходимость подвести под историей советской военной промышленности обобщающую черту и дать ей такую характеристику, которая вместе с тем служила бы основой для рассмотрения ее последующей эволюции в новых, принципиально видоизменившихся условиях политики и экономики. После 1991 г. военное строительство в новых независимых государствах начиналось с освоения советских запасов вооружения и боевой техники, унаследованных от территориальных военных округов бывшего СССР. Хотя этап раздела и освоения советского военно-технического наследия хронологически совпал с несколькими крупными военными конфликтами, важно отметить, что практически в каждом случае это наследство было избыточным и многократно превышало текущие потребности и ресурсную базу, необходимую для содержания и эксплуатации полученных arsenалов. Несоразмерность объективных потребностей в области национальной обороны и реальных экономических возможностей, колоссальная ресурсоемкость унаследованной от СССР военной и мобилизационной инфраструктуры, рассчитанной на глобальную войну, вызвали стремительную

¹ **Якунин Владимир Иванович** – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

E-mail: gospolitika_msu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

деградацию вооруженных сил в большинстве постсоветских государств. На втором этапе, уже в XXI столетии, у постсоветских государств, по мере их относительной политической и экономической стабилизации, возникла потребность более четко сформулировать военно-стратегические приоритеты. Хаотичное освоение советских арсеналов сменилось более планомерным и экономически обоснованным строительством вооруженных сил, соотносящимся с их внешнеполитическими потребностями.

Ключевые слова

военно-промышленный комплекс, Россия, СССР, постсоветское пространство, вооруженные силы, государственная программа вооружений, армия

Для цитирования

Якунин В.И. (2022). Оборонная промышленность и научно-техническая политика в странах постсоветского пространства: советское наследие и современные реалии. *Управление и политика*, 1(4), С. 8–24.

История советского государства показала, что вооруженные силы являются ключевым ресурсом обеспечения национальной безопасности. Эпоха постсоветского развития только укрепила это понимание, поставив перед правительствами новых независимых государств задачи, которые ранее находились в ведении центральных властей СССР.

Эффективную современную армию невозможно построить без твердого целеполагания. Известны примеры, когда из-за отсутствия минимально необходимого объема финансирования, неочевидности потенциального противника либо делегирования функции национальной обороны могущественному внешнему союзнику, национальная армия сохраняет за собой лишь церемониальную роль. Однако на постсоветском пространстве, за исключением Прибалтики, такая практика практически нигде не встречается: в большинстве бывших союзных республик в той или иной степени реализуется политика, направленная на развитие собственных вооруженных сил и оборонной промышленности.

Поскольку предмет оборонной политики конкретен, тема военного строительства, рассмотренная в масштабе всего постсоветского пространства, потребовала бы отдельного очерка для каждого из постсоветских государств. Стандартные объемы журнальной статьи на это не рассчитаны, поэтому нам приходится избрать путь анализа и обобщения тенденций так или иначе характерных для всех постсоветских режимов.

После 1991 г. военное строительство в новых независимых государствах начиналось с освоения советских запасов вооружения и боевой техники, унаследованных от территориальных военных округов бывшего СССР. Хотя этап раздела и освоения советского военно-технического наследия хронологически совпал с несколькими крупными военными конфликтами, важно отметить, что практически в каждом случае это наследство было избыточным. Оно многократно превышало текущие потребности и ресурсную базу, необходимую для содержания и эксплуатации полученных арсеналов. К примеру, Казахстан получил около 4000 одних только танков, Украина – около 6500 танков, примерно 7000 БМП и бронетранспортеров, 3400 орудий и 1400 самолетов (Кучеренков, 2010). Несоразмерность объективных потребностей в области национальной обороны и реальных экономических возможностей, колоссальная ресурсоемкость унаследованной от СССР военной и мобилизационной инфраструктуры, рассчитанной на глобальную войну, вызвали стремительную деградацию вооруженных сил в большинстве постсоветских государств.

На втором этапе, уже в XXI столетии, у постсоветских государств, по мере их относительной политической и экономической стабилизации, возникла потребность более четко сформулировать военно-стратегические приоритеты: хаотичное освоение советских арсеналов сменилось более планомерным и экономически обоснованным строительством вооруженных сил, соотносящимся с их внешнеполитическими потребностями.

Промышленная и научно-техническая политика СССР в оборонной сфере во второй половине XX в.

Советская оборонная промышленность сложилась в 1930-1950-е гг. как часть общих усилий по индустриальной модернизации советского государства. Могучая и масштабная производственная система советской оборонки имела ряд сильных и слабых сторон. В 1930-е гг. опасность большой войны потребовала создания в отстающей крестьянской стране такого народно-хозяйственного комплекса, который смог бы обеспечить полный и замкнутый цикл военного производства: от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ до развертывания серийного

выпуска основных видов вооружений. Такой комплексный, системный и ориентированный на развитие только собственными силами (как сейчас сказали бы – «импортонезависимый») подход к развитию научно-технического и промышленного потенциала с явным приоритетом сферы обороны и безопасности над всеми другими сферами и сохранился в советском государстве вплоть до его распада.

Милитаризация промышленности стала стержнем политики форсированной индустриализации, успехи которой в 1930-е гг. были достигнуты ценой голода и тяжелых страданий советского народа. Отраслевая организация производства, сложившаяся в те годы, во многом сохранилась и в XXI в. В то же время механизм планового управления военной экономикой не был свободен от многочисленных недостатков. Практически все довоенные программы в оборонной области носили откровенно волюнтаристский характер, отличались явным завышением целей, были объективно нереалистичными и невыполнимыми. В результате военно-техническое развитие осуществлялось на основе лишь годовых планов².

В послевоенные годы советская оборонная промышленность, хотя и утратила сырьевую и технологическую подпитку англо-американского ленд-лиза, сумела частично компенсировать это за счет быстрого освоения трофейных германских технологий. В дополнение к отраслям, созданным в 1930-е гг., возникли атомная промышленность и ракетостроение.

Холодная война вылилась в бескомпромиссное военно-политическое, идеологическое и экономическое противостояние между блоками союзных государств, образованных вокруг СССР и США. Это противостояние всегда было неравным, а потому удивляться следует не тому, что в конечном итоге СССР потерпел в этой схватке поражение, но тому, как он сумел, несмотря ни на что, в течение четырех десятилетий выдерживать столь сильное напряжение. Гонка вооружений объективно давалась Советскому Союзу труднее как экономически более слабой стране. Однако при всех трудностях советский ВПК долгое время поддерживал с американцами относительный паритет по всему диапазону военно-технических

² Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации: аналитический доклад. (2015). Центр анализа стратегий и технологий. 35 с. URL: http://cast.ru/files/Report_CAST.pdf?ysclid=lbq6jgvrbm584040284 (даты обращения 20.11.2022).

усилий и выпускал практически аналогичную номенклатуру конечной продукции во всех ключевых областях военного производства.

Относительное технологическое отставание, тем не менее, полностью так и не было преодолено. Наиболее остро оно проявлялось в микроэлектронике и радиоэлектронике. Технические возможности элементной базы советского производства, как правило, значительно уступали американским аналогам. Техническое отставание сказывалось и в кораблестроении: СССР никогда не строил для своего флота таких сложных и дорогостоящих боевых систем, как многоцелевые атомные авианосцы. Эксплуатационные характеристики и как минимум до 1980-х гг. еще и параметры шумности советских атомных подводных лодок уступали американским. В ходе боевого дежурства американские ядерные субмарины постоянно эксплуатировались с многократно большим коэффициентом оперативного напряжения.

Заметно отставал СССР и в производстве межконтинентальных баллистических ракет на твердых компонентах топлива. По соотношению забрасываемой массы к их собственному стартовому весу американские изделия далеко опережали советские. К примеру, ракеты морского базирования UGM-133 «Трайидент-2», выпускающиеся на протяжении вот уже 30 лет, до сих пор остаются непревзойденными по этому параметру. Масса американских ядерных зарядов, а, следовательно, и ракетных боевых блоков, при сопоставимой мощности, как правило, была меньше, чем у советских.

Насыщенность американской сухопутной армии штурмовыми и противотанковыми вертолетами к концу 1980-х гг. была существенно выше, чем в Советской армии. Серьезным было отставание в области беспилотной авиации. Традиционно слабым местом советского авиастроения, помимо бортового радиоэлектронного оборудования и прицельно-навигационного комплекса самолетов, где прогресс упирался в актуальные возможности элементной базы, было производство турбореактивных двигателей. Экономичность и моторесурс советских образцов стабильно уступали американским аналогам. В результате при одинаковом взлетном весе советские самолеты как тактического, так и стратегического класса, имели меньший боевой радиус и полезную нагрузку.

В то же время, в совокупности, как производственная система, советский военно-промышленный комплекс превосходил военную промышленность любой страны мира за исключением США. Оборонная промышленность ФРГ, Франции и Великобритании опережала советскую по отдельным качественным параметрам и на отдельных направлениях за счет более тесного научно-технического взаимодействия с США. Однако номенклатура их конечной продукции была значительно уже, по сравнению с тем, что могла производить военная индустрия обеих сверхдержав. Если же говорить о Китае, то до конца 1980-х гг. его военно-промышленный комплекс в основном был вынужден опираться на советские технологии 1950-х гг. Масштабы научно-технического сотрудничества Китая с Западным миром в 1970-1980-е гг. все же оставались достаточно ограниченными (Барабанов, Кашин, Макиенко, 2013).

Развитие военно-промышленного комплекса в СССР имело ряд особенностей, как присущих любой догоняющей модернизации вообще, так и уникальных, то есть исторически связанных с большевистской политикой возрождения военной мощи в условиях плотной международной изоляции. Построить современную военную индустрию в патриархальной крестьянской стране было бы невозможно без предельной концентрации на избранном направлении всех доступных ресурсов.

Одной из черт советской оборонной промышленности стала ее слабая технологическая связь с гражданскими отраслями. Системные проблемы постепенно начали проявляться после 1945 г., когда война была выиграна, а мобилизационная экономика, по сути, осталась неизменной. В отечественной науке анализу долгосрочных экономических последствий структурной милитаризации народного хозяйства были посвящены работы Ю.В. Яременко и В.В. Шлыкова (Шлыков, 2002; Шлыков, 2005; Яременко, 1998; Яременко, 2015). Сформулированное ими применительно к Советскому Союзу явление структурной милитаризации в корне отличалось от милитаризации экономики и проблемы избыточных военных расходов в капиталистических государствах. В отличие от коллективного Запада, в СССР милитаризация выражалась главным образом в усугубляющейся технологической неоднородности ключевых отраслей.

На протяжении нескольких десятилетий с использованием преимущественно административных рычагов государство последовательно сосредотачивало внутри ВПК и в смежных с ним отраслях наиболее ценные ресурсы, наиболее передовые технологии и лучшие кадры высокообразованных технических специалистов. Тем самым все прочие экономические направления вынужденно оголялись. Гражданское машиностроение, легкая промышленность и сельское хозяйство развивались в условиях острого технологического и кадрового голода, а потому с годами все больше отставали и деградировали.

Постепенно структурные диспропорции внутри советской экономики расширялись. Помимо ВПК, к ее условно привилегированным сегментам относилась тяжелая промышленность и добывающие отрасли. Фактор структурной разбалансированности советской народно-хозяйственной системы сыграл значительную роль в историческом крушении коммунистической сверхдержавы.

Корни экономического кризиса в СССР лежали за пределами экономики, ибо ее как самостоятельного явления в Советском Союзе не существовало: экономика всегда оставалась производной от политики. Динамизм материального роста постепенно утрачивался не из-за отсутствия реформ, как уверяли общество идеологи перестроечной эпохи, а вследствие истощения избыточного аграрного населения. Советской экономике было не под силу создать в какой-либо из отраслей за пределами ВПК критическую массу замещающих ресурсов, чтобы обеспечить ее полное технологическое перевооружение. Недальновидная политика ставила перед страной неадекватные внешнеполитические задачи, которые заведомо выходили за пределы имеющейся ресурсной базы и тем самым вызывали военно-стратегическое перенапряжение, которое провоцировало структурную деформацию экономики. Структурная разбалансированность экономики ошибочно интерпретировалась некомпетентной политикой как результат системного кризиса, для преодоления которого государство пыталось проводить экономические реформы. Однако эти реформы лишь еще более ухудшали положение, потому что проблему структурных диспропорций экономики невозможно было решить экономическими методами (Шлыков, 2005, с. 192-193).

Военно-промышленная политика России после 1991 г.

Вместо предполагавшейся частью экспертов поэтапной конверсии военного производства с целью выхода из тупика структурной милитаризации, поколение реформаторов 1991 г. избрало идеологически мотивированное решение о деиндустриализации, которое угрожало растворить наиболее высокотехнологичные отрасли народного хозяйства в рыночной стихии без какой бы то ни было государственной пользы.

После распада Советского Союза военно-промышленный комплекс оказался в критическом положении, так как в 1991-2008 гг. национальный оборонный заказ оставался минимальным. Чтобы выжить, многие оборонные предприятия были вынуждены переориентироваться на работу по экспортным контрактам.

Второй острой проблемой становилась локализация военного производства на территории России. В особенности это касалось такого стратегически важного направления, как ракетостроение. В 1990-е гг. основным партнером России по военно-техническому сотрудничеству выступал Китай. Затем, на первый план вышло взаимодействие с Индией (Барабанов, Кашин, Макиенко, 2013). Однако вопреки многим опасениям России удалось избежать утечки в иностранные руки ключевых военных технологий. С 2008 г. национальный оборонный заказ постепенно вновь сделался основным источником финансирования оборонной промышленности.

Слабость научно-технической синергии военного и гражданского секторов была неотъемлемой чертой советской экономики, – закрытой и практически не интегрированной в мировой рынок. Спустя 30 лет после падения СССР оборонная промышленность нашей страны в технологическом смысле по-прежнему продолжает существовать в изоляции от остальных отраслей, хотя в наши дни стена, отделяющая ВПК от остальной российской экономики, стала более проницаемой.

Определенной особенностью адаптации российского ВПК к новым экономическим условиям стало то, что, несмотря на финансовые трудности, основные его производственные мощности не были безвозвратно уничтожены. Даже в самое тяжелое время практически все из 1700 пред-

приятий, находившихся к 1991 г. на территории РСФСР, так или иначе выжили (Шлыков, 2005). На фоне выпадения из прежних производственных цепочек, налаженных в советское время, происходила их переориентация на экспорт. Эта важная особенность отличала российский сегмент бывшего советского ВПК от положения, сложившегося, к примеру, на Украине, где к 1995 г. произошло десятикратное снижение объемов военного производства и столь же массовое закрытие предприятий оборонного назначения (Кучеренков, 2010).

Второй проблемой 1990-2000-х гг. стало постепенное разрушение кооперационных связей между предприятиями, оказавшимися на территории новых независимых государств. По мере переориентации на экспорт, единый производственный комплекс бывшей советской оборонной промышленности начал распадаться на мозаику слабо связанных между собой предприятий, вынужденных выживать по одиночке (Миллер, 2005, с. 15).

До начала 2010-х гг. тех скудных ресурсов, что все же выделялись на оборону страны, едва хватало на поддержание в боеспособном состоянии стратегических ядерных сил. Комплексы межконтинентальных баллистических ракет постепенно обновлялась ценой жесткой экономии на силах общего назначения, которые стремительно приходили в упадок. В период первого президентского срока (2000-2004) В.В. Путина реальных преобразований в военной области практически не происходило. Его второй срок (2004-2008) сопровождался незначительными подвижками в данном направлении. Вооруженные силы продолжали оставаться реликтом массовой армии советского типа с кадрово-резервной системой комплектования и развертывания.

Государственная программа вооружений, утвержденная в 2007 г., провалилась вследствие ее систематического недофинансирования. Действия российских войск в ходе конфликта с Грузией в августе 2008 г. подтвердили глубокий кризис как в области боевого управления войсками, так и сфере их технического оснащения. Уроки войны 2008 г. вызвали к жизни ряд радикальных преобразований, порывающих со многими традициями массовой армии. Ядром сухопутных войск сделались соединения постоянной готовности, содержащиеся в штатах военного времени на перма-

нентной основе (Барабанов, 2010; Барабанов, Макиенко, Пухов, 2012; Арбатов, Дворкин, 2013).

Массовое техническое переоснащение вооруженных сил начало набирать обороты лишь после 2011 г., когда стартовала принятая при министре обороны А.Э. Сердюкове государственная программа вооружений, рассчитанная до 2020 г. Впервые после 1991 г. подобная программа получила не фиктивное, но полноценное ресурсное обеспечение. Государственная программа вооружений 2011-2020 гг. и пришедшая ей на смену программа 2018-2027 гг. были сформулированы крайне амбициозно (Федоров, 2013). К сожалению, неблагоприятная экономическая конъюнктура делала невозможным их финансовое наполнение в соответствии с декларировавшимся размахом (Богданов, 2019). Номинально в рамках обеих программ должно было быть израсходовано примерно по 20 трлн руб., но явная и скрытая инфляция значительно сократили фактическое финансирование. Согласно различным оценкам, реальный объем расходов составлял примерно 55-60% от заявленных сумм. Однако даже этого оказалось достаточным, чтобы сдвинуть дело перевооружения российской армии с мертвой точки, и преобразовать вооруженные силы (Connolly, Boulegue, 2018).

Заявленные в программах приоритетные направления развития в экспертных кругах неоднократно подвергались критике. Так, в программе 2011-2020 гг. имелся ярко выраженный крен в сторону военно-морского строительства: решение во многом сомнительное, принимая во внимание геополитическое положение огромной континентальной страны. По всей видимости, именно дорогостоящие кораблестроительные программы стали главными жертвами перераспределения ресурсов внутри ГПВ-2020.

Оглядываясь на истекшее десятилетие, Россия в оборонной сфере может записать в число своих наиболее значимых достижений сохранение высокой технической готовности ядерных сил, а также перевооружение значительной части сухопутных войск и авиации. Кроме того, в 2010-е гг. произошло дальнейшее снижение зависимости наиболее важных оборонных отраслей от потенциально ненадежных смежников из бывших советских республик. В первую очередь речь шла об Украине. Окончательным импульсом к скорейшему завершению локализации военного производства внутри России стало разрушение кооперационных связей с офици-

альным Киевом вслед за событиями 2014 г., хотя от России это потребовало дополнительных капиталовложений объемом около 10 млрд долл.

Оборонно-промышленная политика в новых независимых государствах

Как уже отмечалось выше, после 1991 г. военное строительство постсоветских государств прошло через два основных этапа: сначала механическое и бессистемное освоение материальных запасов бывшей советской армии, на смену чему постепенно пришли попытки выстроить оборонную политику, исходя из объективно сложившихся приоритетов.

Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан являются союзниками России по Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ). Их армии интегрированы в состав региональных боевых командований многонациональных сил, развернутых на восточно-европейском, кавказском и туркестанском направлениях. Членство в ОДКБ наделяет эти государства правом на льготное приобретение в России вооружений, военной техники фактически по внутрироссийским расценкам.

В Молдавии, Туркмении и странах Балтии произошла практически полная деиндустриализация. Балтийские республики, настроенные к Москве недружественно, приложили все силы к тому, чтобы максимально от нее дистанцироваться, и вступили в НАТО. При этом их военно-экономический потенциал остается ничтожным, и реальной субъектностью в действующей системе международных отношений они не обладают. Туркмения встала на путь изоляционизма и во взаимоотношениях с соседями придерживается строгого нейтралитета. По сравнению с Прибалтикой позиция, занятая Молдавией по отношению к Москве, может характеризоваться как умеренно недружественная. Республика не вступила в НАТО, но последовательно воздерживается от участия в российских интеграционных проектах. Пятерку вышеперечисленных государств объединяет практически полная ликвидация остатков советского ВПК и отсутствие усилий по реанимации военной промышленности.

Значительный интерес представляют попытки строительства национальных армий под конкретные военные задачи, что можно увидеть на примере Грузии, Украины и Азербайджана.

В постсоветский период отношения России с Грузией никогда не отличались особой теплотой, а кризис 2008 г. привел к началу открытых боевых действий между двумя государствами. Президент М. Саакашвили, намереваясь силой вернуть Абхазию и Южную Осетию под власть тбилисского правительства, осуществлял после 2004 г. комплексную программу модернизации грузинских вооруженных сил. Военный бюджет был многократно увеличен, что позволило начать организационные преобразования, а также частичное перевооружение. Программа модернизации армии в будущем предполагала ряд шагов по оживлению промышленной базы военного производства, но августовское поражение поставило крест на этих планах.

На рубеже 1970-1980-х гг. СССР казалась индустриальным «бриллиантом» в короне Советской империи. Когда единая производственная система общесоюзного оборонно-промышленного комплекса распалась, Украина получила в свое распоряжение второе после России количество предприятий (Кучеренков, 2010). В то же время, оказавшись искусственно вырванными из налаженных производственных цепочек, они могли производить крайне ограниченный объем конечной продукции. В течение нескольких лет последовало стремительное сжатие военно-промышленного производства. Выжили лишь те предприятия, которые смогли продолжить работу в кооперации с российскими. Вооруженные силы пришли в упадок. В 1992-2013 гг., в условиях практически полного прекращения национального оборонного заказа, Киев пошел по пути реализации на внешних рынках своих стратегических мобилизационных запасов, а также излишков военной техники.

Начало восстания на Донбассе потребовало экстренных усилий по оздоровлению вооруженных сил и оборонной промышленности. ВПК был вынужден сосредоточиться на оснащении собственной армии. Кампания на востоке вызвала большой расход артиллерийских боеприпасов, запасы которых на складах заметно истощились, в то время как производство

снарядов после 1991 г. было свернуто. Кроме того, потребовалась расконсервация, последующий ремонт и ввод в строй множества боевых самолетов и вертолетов, самоходных и буксируемых орудий, танков и другой бронетехники. Все это происходило на фоне быстрого разрушения прежних связей с российскими предприятиями. В конечном итоге украинский ВПК, хотя и не смог превратиться в замкнутую и самодостаточную производственную систему, тем не менее успешно закрыл наиболее острые потребности армии. Тяжелые потери в технике, понесенные ВСУ в боях 2014-2015 гг., были в основном компенсированы.

В Азербайджане попытка самостоятельной модернизации вооруженных сил, а также их целенаправленная адаптация к видоизменившимся условиям региональной обстановки роднит опыт этой страны с опытом соседней Грузии. Хотя в случае Азербайджана и не приходилось говорить о полной деиндустриализации страны, к началу второй войны в Нагорном Карабахе национальная военная промышленность играла в обеспечении азербайджанской армии минимальную роль. Доходы, полученные за счет экспорта углеводородов, Баку предпочитал вкладывать не в создание национального ВПК, но в приобретение вооружения и боевой техники на внешних рынках. Война была выиграна с помощью оружия, закупленного в результате военно-технического сотрудничества с Россией, Израилем и Турцией (Макиенко, 2018; Макиенко, 2020; Пухов, 2021).

На постсоветском пространстве Белоруссия была и остается наиболее последовательной союзницей России, хотя отношения Минска и Москвы знали свои взлеты и падения. Усилия белорусского руководства были в 1990-2000-е гг. направлены на максимальное сохранение индустриального сегмента экономики республики. Режим Лукашенко обеспечил работу практически всех оборонных предприятий, оставшихся на территории бывшей БССР. Главным образом, их ориентировали на изготовление комплектующих по заказам российского ВПК. При этом на внешних рынках специализацией белорусов и основным источником валютных поступлений для отрасли стала модернизация устаревших зенитно-ракетных комплексов советского производства (Леонович, Тихонович, 2019).

Способность центральноазиатских государств самостоятельно справляться как с внешними, так и с внутренними источниками военных угроз,

вновь приобретает особое значение в связи с победой талибов в Афганистане. Узбекистан давно претендует на самостоятельную региональную роль. По численности населения эта страна вдвое превосходит соседний Казахстан (соответственно, 30 млн чел. и 18 млн чел.). Узбекистан обладает крупнейшей в регионе промышленностью, включая автомобилестроение. Тем не менее, его военно-индустриальные мощности не образуют замкнутых производственных циклов, а потому не могут в полном объеме удовлетворять потребности вооруженных сил. Несмотря на то, что в 2012 г. Узбекистан вышел из ОДКБ, страна продолжила военнотехническое сотрудничество с Россией на двусторонней основе (Connolly, Sendstad, 2017).

Долгосрочная государственная политика Казахстана в военно-технической области, по сути, выступает отраслевым выражением избранного внешнеполитического курса на многовекторность и равноудаленность от великих держав. Хорошо прослеживается стремление обрести дополнительные и альтернативные российским источники вооружений и боевой техники. Казахстан осуществляет военно-техническую модернизацию в рамках Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ), Узбекистан – в формате двусторонних отношений с Россией. Военный потенциал Киргизии, Таджикистана и Туркмении серьезно уступает паре лидирующих стран (Shibutov, Solozobov, Malyarchuk, 2019, pp. 40-46; Baizakova, 2014, p. 20; Peyrouse, 2017, pp. 9-15, 26-29; Дубцов, 2015).

* * *

За исключением армий присоединившихся к блоку НАТО стран Балтии, ни одна из стран на постсоветском пространстве пока еще не сумела полностью преодолеть свое родство с советскими вооруженными силами, а их оборонная промышленность – избавиться от проблем советской индустриальной системы. В то же время, инерция некогда единого хозяйственного комплекса уже фактически перестает действовать, и бывшим советским республикам придется самостоятельно формировать свою политику в области развития оборонной промышленности. В условиях действия разнонаправленных тенденций глобализации и регионализации, роста геополитического противостояния и роста интенсивности воору-

женных конфликтов, в том числе на пространстве бывшего СССР, этот выбор будет определяться множеством факторов. Скорее всего, ни одна из этих стран – возможно за исключением России – не способна будет реализовать сколько-нибудь эффективную самостоятельную индустриальную политику в оборонной сфере. Международная кооперация, в том числе в сфере критических современных технологий (электроника, связь, военно-космическая сфера) станет ключевым фактором развития промышленности. При этом важно будет избежать советских ошибок, связанных со стратегическим перенапряжением и ресурсным дисбалансом в пользу оборонного комплекса, а также с низким уровнем кооперации между военным и гражданским секторами, как в сфере научно-технической деятельности, так и в сфере организации производства. В результате задача реформирования оборонно-промышленного комплекса становится одной из ключевых составляющих современной промышленной политики стран бывшего СССР, включающей как инновационный, так и производственный сектор, а также систему образования и подготовки кадров, ключевые принципы международной кооперации и экономической интеграции. В сложившихся условиях нарастания «блокового» мышления решение этих задач будет вплетено в сложный комплекс вопросов формирования новой конфигурации систем глобальной и региональной безопасности, зон свободной торговли и военно-политических альянсов. Такого рода трансформации по своей глубине сопоставимы с процессами, происходившими до и после двух мировых войн, поэтому требуют самого пристального внимания со стороны общественных наук.

Received: November 15, 2022

Accepted: December 15, 2022

UDC: 351/354, 338.245, 338.45

Public Administration

Defense Industry and Science and Technology Policy in the Post-Soviet States: Soviet Legacy and Today's Realities

Vladimir I. Yakunin, Doctor of Political Science, Head of the Department of State Politics
of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: gospolitika_msu@mail.ru

Abstract: The industrial potential of the heavily industrialized post-Soviet states is developing mainly due to the capacities established before 1991 and focused on supporting the Soviet military-industrial complex. In this regard, it is necessary to trace the development of the Soviet military industry and to identify its nature which served as the basis for subsequent evolution in the present and fundamentally different political and economic conditions. After 1991, the military construction in the newly independent states started on the basis of the Soviet stocks of weapons and military equipment obtained from the territorial military districts of the former USSR. Although the stage of redistribution of the Soviet military-technical heritage coincided chronologically with several major military conflicts, it is important to note that in almost every case this legacy was excessive so it many times exceeded the needs and the resource base necessary for the maintenance and development of the available arsenals. The disproportion between the objective needs in the field of national defense and real economic opportunities and highly resource intensive military and mobilization infrastructure designed in the USSR for a global war, resulted in the rapid degradation of the armed forces in most post-Soviet states. At the second stage, already in the 21st century, amid their relative political and economic stabilization the post-Soviet states had to formulate military-strategic priorities more precisely. The chaotic development of Soviet arsenals was replaced by more systematic and economically justified policies for armed forces construction, pertaining to the foreign policy needs.

Keywords: military-industrial complex, Russia, USSR, post-Soviet space, armed forces, state arms program, army

Список литературы / References:

Арбатов А., Дворкин В. (2013). *Военная реформа России: состояние и перспективы*. Москва: Московский центр Карнеги. 79 с.

Барабанов М.С. (ред.). (2010). *Новая армия России*. Москва: Центр анализа стратегий и технологий. 168 с.

Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. (2013). *Оборонная промышленность и торговля вооружением КНР*. Москва: Центр анализа стратегий и технологий, Российский институт стратегических исследований. 272 с.

Богданов К.В. (2019). Государственные программы вооружений на период 2011-2020 гг. и 2018-2027 гг.: реализация и перспективы исполнения. *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. Отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. Москва: ИМЭМО РАН. С. 77-80.

Дубцов Г.Ф. (2015). *Состояние и перспективы развития военной организации Казахстана*. Астана: КИСИ. 212 с.

Кучеренков А.И. (2010). *Современный оборонно-промышленный комплекс Украины и его конкуренция с российскими спецэкспортерами на мировом рынке вооружений и военной техники*. Аналитические обзоры РИСИ, № 3(26). Москва: РИСИ. 32 с.

Леонович А.Н., Тихонович Н.С. (2019). Республика Беларусь на мировых рынках ВВТ. *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. Отв. ред. Л.В. Панкова, С.Ю. Казеннов, О.В. Гусарова. Москва: ИМЭМО РАН. С. 63–69.

Макиенко К.В. (ред.). (2018). *В ожидании бури: Южный Кавказ*. Москва: Центр анализа стратегий и технологий. 200 с.

Макиенко К.В. (ред.). (2020). *Союзники*. Москва: Центр анализа стратегий и технологий. 176 с.

Миллер С.Э. (2005). Военная мощь Москвы: Россия в поисках безопасности в переходную эпоху. *Вооруженные силы России: власть и политика*. Кембридж (МА); Лондон: Американская академия гуманитарных и точных наук. С. 1–49.

Пухов Р.Н. (ред.). (2021). *Буря на Кавказе*. Москва: Центр анализа стратегий и технологий. 128 с.

Федоров Ю.Е. (2013). Государственная программа вооружений – 2020: власть и промышленность. *Индекс безопасности*, 4(107), 41–59.

Шлыков В.В. (2002). Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. *Военный вестник МФИТ*, 9, 1–192.

Шлыков В.В. (2005). Оборонная экономика в России и наследие структурной милитаризации. *Вооруженные силы России: власть и политика*. Кембридж (МА); Лондон: Американская академия гуманитарных и точных наук. С. 191–286.

Яременко Ю.В. (1998). *Экономические беседы*. Москва: Центр исследований и статистики науки. 343 с.

Яременко Ю.В. (2015). Современная экономика России: анализ и стратегия развития. *Проблемы прогнозирования*, 5, 4–10.

Baizakova Z. (2014). *Kazakhstan's Military-Industrial Complex: "Its Own" or "Someone Else's"*. Fort Leavenworth: The Foreign Military Studies Office. 25 p.

Connolly R., Boulegue M. (2018). *Russia's New State Armament Programme: Implications for the Russian Armed Forces and Military Capabilities to 2027* / Research Paper. Royal Institute of International Affairs, Russia and Eurasia Programme. Seven Bridges Press. 40 p.

Connolly R., Sendstad C. (2017). *Russia's Role as an Arms Exporter: The Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia*. Research Paper. Royal Institute of International Affairs, Russia and Eurasia Programme. Chatham House. 32 p.

Peyrouse S. (2017). *Armament Strategies and Development of the Kazakhstani Military-Industrial Complex: Stakes and Perspectives*. Central Asia Program. CAP Papers 185. 29 p.

Shibutov, M, Solozobov, Yu., Malyarchuk, N. (2019). *Kazakhstan-Russia Relations in Modern Era*. International Institute for Global Analyses. Analytical Dossier N. 3/2019. 66 p.